

Д. В. Майборода

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Коммуникативно-диалогическая ценностная система, сформировавшаяся после мировых войн XX в., казалась, но так и не стала основанием нового глобального гуманизма. Доминирование постмодерна обернулось смещением значения ряда диалогических идеалов (толерантность, креативность, оригинальность, сбалансированное сотрудничество и пр.) и элиминированием других (поиск истины, духовность и гуманизм). Вызванная постмодерном дегуманизация активизировала альтернативные идеологии, чье влияние привело к социально-политическим кризисам, а потому необходим новый ориентир на гуманизацию, который может быть установлен диалогической прививкой к метамодерну как возможному следующему за постмодерном состоянию культур.

Европейская интеллектуальная жизнь после мировых войн XX в. декларировала важность диалога и связанной с ней ценностной системы (с конкретными идеалами толерантности, творчества, оригинальности, сбалансированного взаимодействия, гуманности и пр.). Казалось очевидным, что острейшие современные проблемы локального, регионального и глобального уровней больше не могут решаться исключительно монополюс доминирующей стороной, но требуют диалога и взаимодействия всех заинтересованных субъектов. Для этого же важно, чтобы все стороны согласовывали свои ценностные системы с диалогической, принимаемой как фундаментально значимая. Связанные с диалогизацией общественно-политической жизни идеи активно развивались и в философии, и в гуманитарных науках в целом,

приобретая все больший отзвук в общественно-политической жизни общества. Эта тенденция получила название *диалогизм* – этим именем стала обозначаться система идей, представлений и практик, ядро которой – признание диалога смыслом человеческой жизни.

Диалогизм развивался в XX в. на фоне «взрыва коммуникации» – экспоненциального роста частоты, емкости, масштаба и функциональности применения коммуникативных технологий. Этот «взрыв» потребовал экстренного развития коммуникативистики – теоретических, эмпирических и практических исследований коммуникации. Влияние специализированного изучения коммуникации на другие науки, философию и культуру вообще стало столь сильным, что вполне возможно говорить о коммуникативном повороте в современном знании и культуре. Кроме того, увеличение международных контактов привело к формированию идей «межкультурной коммуникации» и «диалога культур», а также возникновению особых академических дисциплин, изучающих их проекцию на взаимодействие обществ в ходе современной глобализации.

Совмещение диалогизма и «взрыва коммуникации» породило ожидания, что в скором времени широкомасштабный коммуникативно-диалогический поворот в социальной жизни и системах знания сформирует глобальную гуманистическую культуру, которая вберет с себя наиболее важные для развития человеческого потенциала достижения как культур модерна, так и традиционных культур. Эти ожидания совмещались с вежливым игнорированием предупреждений об опасностях технологизации общения, которые выносили как последовательные антитехницисты, так и более умеренные диалогисты, призывавшие к гармонии технических и духовных аспектов общения.

Коммуникативно-диалогическая утопия так и не стала реальностью, а преобладающей оказалась культура постмодерна, в которой ряд важных для диалогизма идеалов приобрел совершенно иное значение, а другие и вовсе были отринуты. В целом в постмодерне толерантность приобрела черты безразличия («все подходит»), творчество – программируемой культурой производства, оригинальность – экстравагантной симуляции, взаимодействие – несбалансированной эклектикой автономных актов; человек стал трактоваться как миф, а его права – как особая идеология, производимая либеральным бюрократическим капитализмом для нового типа эксплуататорских практик (рационализация желаний как машина символического производства). А важные для диалогизма идеалы поиска истины, человечности и духовности в постмодернизме оказались практически отброшены, допустимы лишь в сильно завуалированном виде или как девиация.

Противоречия и недостатки постмодерна, обосновывающего его постмодернизма и теоретизирующего его постструктурализма вызывали активную критику уже с самого начала их появления. В XX в. основные линии критики постмодерна определялись точками зрения доминировавших ранее идеологий – традиционализма, классицизма и разных видов модернизма. До

некоторого времени казалось, что постмодерн всё более преодолевал эту критику, включая в свою мозаику элементы этих идеологий. Во второй половине XX в. локальные победы доминировавших ранее идеологий, такие как иранская революция, победа талибов в Афганистане или сохранение ряда коммунистических режимов, казались анахронизмами.

Однако в начале XXI в. критика постмодерна и поиск альтернатив ему начали приобретать новую силу. Традиционалистские взгляды стали всё шире декларироваться в различных обществах, выходя за пределы привычных консервативных кругов. Образовывались причудливые гибриды традиционализма с идеологиями просветительства и неомодернизма. Идеология фашизма, даже в классическом ее выражении представлявшая собой синтез традиционализма и новаторства, оказалась в этой ситуации особенно востребованной несмотря на то, что далеко не всегда ее сторонники открыто именуют себя «фашистами».

Рассмотрим кратко отношение этих альтернативных постмодернизму идеологий к диалогическим ценностям, дабы уяснить себе, насколько диалогизм может взаимодействовать с ними в деле гуманизации человеческого общества.

По самому своему понятию традиционализм антагонистичен новаторству, а поскольку для любого общества новаторскими являются сильно отличающиеся традиции другого общества, то фундаменталисты в стандарте – яркие противники толерантности. Чаще речь идет о базовой враждебности к иному, которая лишь в избранных случаях выливается в открытое противостояние представителям других культур. Творчество в консервативных взглядах допускается лишь для воссоздания обычаев, а оригинальность – для функциональной идентификации в коллективе. Человечность для традиционалиста отождествляется с интересами семьи, клана, племени или народности и не включает интересы отдельного человека.

А вот сотрудничество, духовность и истина принимаются в традиционных культурах как чрезвычайно важные, но в особом значении. Взаимодействие всегда иерархично, фактически представляя собой практику подчинения/исполнения (инициатива снизу в этой системе допустима только в качестве предвосхищения приказа). Поскольку обратная связь при этом часто теряет хоть какое-то значение, то сотрудничество склонно превращаться в эксплуатацию. Духовность для традиционалистов сводится к искренности поддержания системы общественных стереотипов и обрядов, которым нередко придается сверхъестественное значение. Для обеспечения этой искренности нередко задаются стандарты эмоциональности, однако аффективная составляющая нашего опыта плохо поддается ритуализации. Фактически место истинной искренности занимает правдоподобие представления, что в традиционных культурах считается вполне приемлемым, поскольку и сама истина сводится к общественно выгодной структуризации представлений (то, что в русском языке именуется «правда»).

Ясно, что эти трактовки крайне усложняют синтез традиционализма с диалогизмом для гуманизации общества. Однако в действительности нередко в диалогической философии происходило обращение к традиционализму именно потому, что его трактовки диалектически уравнивали крайности просвещенческих культур. М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, Ф. Розенцвейг искали в религиозных традициях различных культур основание для противодействия индивидуализму и аморализму Нового времени. Однако ясно, что продуктивность обращения к традиционализму работает лишь в просветительских культурах, равно как Просвещение конструктивно для гуманизации общества в условиях господства традиционализма.

Это происходит, конечно, потому что просветительская идеология альтернативна в трактовке важнейших диалогических идеалов. В ней важную роль играют идеи толерантности, творчества, оригинальности, человечности и истины как таковой, но при этом занижается значение сотрудничества и духовности (агностицизм в данном отношении – следствие утверждения принципа свободы совести). Ясно, что в диалогизме неприемлемы превращение толерантности в безразличие и истины – в безличную объективность, а также радикализация творчества и оригинальности до безответственного новаторства и обеспечение прав индивидуальности в ущерб общественному интересу. Противны диалогизму также недооценка взаимодействия и отрицание духовности, пусть и вытекающее из критики обскурантизма церковной и аристократической идеологий. Но далеко не все варианты просветительства радикальны в этих трактовках диалогических идеалов, что оставляет широкие возможности продуктивного синтеза с ним диалогизма в интересах установления новых ориентиров гуманизации общества.

Идеологии модерна – во многом реакции на недостатки культур Просвещения, а потому они реабилитируют по крайней мере некоторые аспекты традиционализма. Самыми влиятельными из них были и в начале XXI в. остаются позитивизм и социализм (в том числе в виде коммунизма).

Наиболее близка просветительству позитивистская (сциентистская), или технократическая, или либерально-демократическая идеология. Разнообразие ее названий выдает различные ее аспекты. *Сциентизм* акцентирует ориентацию на конкретные математизированные науки, *позитивизм* – на то, что в них доминируют позитивные высказывания, то есть утверждения, описывающие опытно проверяемые факты (полезной коннотацией выступает тут то, что позитивисты крайне положительно оценивают динамику общественного развития, веря в то, что технический прогресс оборачивается морально-нравственным совершенствованием общества). *Технократия* – это характеристика, подчеркивающая, что в этой идеологии утверждается центральное значение техники и, соответственно, то, что именно инженерной элите должны принадлежать власть и определяющее культурное влияние в обществе. Наконец, *либеральная демократия* предполагает, что эта идеология утверждает универсальные ценности свободы и народовластия. При этом она также может называться *капитализмом*, что подчеркивает ее ориентацию на концентрацию капитала как важнейшую доминанту экономического развития.

В трактовке ряда диалогических ценностей позитивистская идеология чрезвычайно близка Просвещению и в сущности является ее особым продолжением. Толерантность так же, как и в просветительстве, оказывается по трактовке близка безразличию, но за одним важным исключением – декларируется необходимая нетолерантность по отношению к нетолерантности. Кажется, что тут есть непреодолимое противоречие (то, что подразумевал М. Ганди, утверждая, что следование принципу «око за око» делает весь мир слепым), однако либерализм подчеркивает, что допустима нетолерантность лишь второго порядка (например, в форме применения насилия лишь в ответ на насилие). Именно это и является основным обоснованием либеральной концепции государства как «ночного сторожа».

Аналогична ситуация и с креативностью и оригинальностью – они оцениваются также крайне высоко, а единственное их принципиальное ограничение – сохранение традиции креативного новаторства. Или, говоря иначе, единственные инновации и творческие свершения, которые исключаются, – те, что ниспровергают в принципе идеалы креативности и новаторства. Это же касается и сотрудничества вообще – оно прежде всего должно обеспечивать индивидуальное творчество. Это – общество индивидуальностей, взаимодействующих, чтобы быть собой. Тут считается, что индивид может быть поистине индивидом только в индивидуалистическом обществе, и, сознавая это, он должен быть готов даже ценой своей жизни поддерживать это общество. Но это требование не тотально, хоть и принципиально. Единство индивидуальностей обеспечивается активизируемым конкуренцией лидеров (либерализм) выбором большинства (демократия), но не всех. Моральное требование учета большинством интересов меньшинства – ориентир, который в полной мере соответствует идее гуманизма в гармонии индивидуального и общественного аспектов. И потому в этой идеологии обнаруживаются элементы как просветительского индивидуализма, так и утопического социализма (в особенности – в идее, что общественное благо обеспечивается единством рабочих и технических руководителей). И все это и формирует единственно принимаемый позитивизмом образ духовности.

Наконец, истина в позитивизме, так же, как и в просветительстве, утверждается как надличностная, но при этом ее восприятие имеет значительные индивидуальные и социальные особенности. Прагматизм в отношении истины близок традиционалистскому отождествлению правды с выгодной для субъекта структурой образа реальности. Однако если для позитивиста прагматизм – человеческая коррекция сверхзначимой объективности, то для традиционалиста помимо приемлемой картины мира никакого другого подступа к истине нет.

Ясно, что такие неоднозначные трактовки диалогических идеалов позволяют лучше синтезировать диалогизм с позитивизмом, чем со стандартным просветительством. Отчасти это же относится к другим доминирующим идеологиям модерна.

В идеологиях социализма и коммунизма крайне важно сотрудничество, фундирующее само существование общества и коммуны. Трактовки этого сотрудничества, однако, крайне разнообразны в различных направлениях – от близкого традиционализму иерархизма до нивелирующей различия между индивидами уравниловки. Во всяком случае доминирует представление о примате общего блага, предопределяющее восприятие гуманизма. Поистине гуманно то, что хорошо для наибольшего числа людей. Этот принцип утилитаризма, правда, может восприниматься не синхронно, но учитывая благо будущего общества, что особенно важно в коммунистической идеологии.

Из этого следует и ограничение толерантности в основном членами собственного общества, а также – относительно – теми, кто благу этого общества прямо или косвенно способствует (в том числе сторонниками родственных идеологий). Поскольку образы общественного блага в социализме сильно различаются от одной конкретной концепции к другой, то среди них можно встретить как интернационализм, так и нацизм, как идею гендерного равноправия, так и пропаганду патриархата, как утверждение свободы совести, так и религиозную нетерпимость. Параметры толерантности определяются границами солидарности.

Социализм в отличие от традиционализма принимает истину не только в образе «нашей правды», но и как некоторое объективное положение вещей, однако в ряде концепций эта объективность может существенно искажаться, поскольку доминирует все же общий интерес. Креативность и оригинальность допускаются лишь в интересах общества, и вся эта система взглядов и рассматривается как единственно допустимая духовность (альтернативная система взглядов понимается как квазидуховность, а метафизика духа принимается лишь в религиозном социализме как тождественная его идеологии).

Позитивная трактовка диалогических идеалов в социализме и коммунизме способствовала широкому распространению диалогизма в постсоветских странах. Хотя и тут следует учитывать, что некоторые смещения значений в социализме далеко не всегда отвечают диалогическим взглядам и требуют определенной коррекции.

Ясно, что синтез диалогизма с наиболее радикальными трактовками крайне идеалистической или фашистской идеологий невозможен без устранения самой сути диалогического взгляда на реальность. Настоящий диалогизм – постоянно в опасности между Сциллой индивидуализма и Харибдой фашизма. Ясно также, что диалогизм никогда не оказывается совершенно свободен от влияния одной из этих крайних трактовок. Пребывание между этими крайностями нестатично, оно имеет перманентно колебательный характер. Такая осцилляция, однако, свойственна не только диалогизму, но и современным культурам, переживающим кризис постмодерна. Метамодернизм устами Л. Тёрнера декларирует: «Мы признаем колебания естественным порядком в мире» [1].

Поскольку состояние метамодерна лишь разворачивается, то нельзя точно сказать, насколько оно окажется значимым и долгосрочным. Более того, трудно спрогнозировать, будут ли сложившиеся сегодня в метамодернизме описания этого состояния адекватными. Но, несмотря на это, возможно сделать некоторые прогнозы желательного развития для этой ситуации, которые вполне способны сыграть регулирующую роль для культурного развития. Диалогическая утопия метамодерна вполне отвечает ситуации, когда «метамодернизм не предлагает какого-либо утопического видения, хотя и описывает атмосферу, в которой тоска по утопиям, несмотря на их тщетность, вышла на первый план» [2].

Вообще метамодерн – состояние культуры, продолжающее определенные тенденции постмодерна (метамодернизм – постмодернизма), который сам по себе – завершающая стадия модерна, чьи важнейшие идеологические программы рассмотрены выше, как, собственно, и постмодернистская трактовка главных диалогических идеалов. Однако по большей мере следование метамодерна за постмодерном подвержено принципу отрицания, тем самым и их трактовки важнейших идеалов диаметрально отличаются. А поскольку и сам постмодерн во многом отрицал трактовки модерна, то метамодерн в определенном смысле реабилитирует модерн (метамодернизм – модернизм). Эта реабилитация, конечно, не означает полного их восстановления, но в некоторой мере синтезирует продуктивные элементы постмодерна и модерна. Основанием отбора продуктивных элементов при этом вполне может выступать диалогизм, который принципиально хорошо согласовывается с идеологией метамодерна.

Важнейшее качество метамодерна – колебание между чертами модерна и постмодерна, что сказывается и в трактовке диалогических ценностей. Метамодерн колеблется от равнодушного принятия любой инаковости до нетерпимости, от новаторства до традиционности, от индивидуализма до коллективизма, от утверждения прав человека до их подчинения интересам общества и природы, от поиска истины до ограничения частным интересом, от материальности до новой духовности. Кажется, что очень сложно увидеть в этих осцилляциях серьезное основание для диалогизации такой неуловимой формы. Метамодерн вообще в равной мере и соответствует, и не соответствует любой идеологии.

Однако такая неопределенность свойственна и самой диалогичности. Она – проявление колебательного ее характера. Выше было сказано, что диалогизм колеблется между крайностями просвещенческого индивидуализма и модернистского социализма. В той мере, в какой постмодернизм выступает неопросветительством, это означает неопределенность и между полюсами модернизма и постмодернизма. Или, учитывая, что модернистский социализм – особая реинкарнация традиционализма, то, вероятно, следует просто говорить о более общих полюсах колебаний. Как диалогизм, так и метамодернизм колеблется между принципиальными крайностями безразличия и ангажированности, индивидуализма и коллективизма, реформаторства и консерватизма, объективности и субъективности, телесности и духовности.

Эти колебания периодичны и направлены, что напоминает о гегелевской диалектике, однако она чрезмерно механизует всю систему. В действительности даже сами периодичность и направленность колебаний постоянно сменяются хаотизацией и размыванием. Потому диалектика как теория всеобщего развития через отношение противоположностей – только один из аспектов диалогизма, а равно и метамодернизма, который необходимо должен быть восполняем нетеоретизируемой практикой индивидуального самосохранения в единстве желания. Даже и сама неопределенность в колеблющихся системах не фатальна – она сменяется четкостью по мере того, как событие приближается к фокусу нашего познания.

Развитие – результат этих постоянных колебаний, а это значит, что колебания не совершенно симметричны. Также важно, что извне системы конкретные параметры колебания далеко не всегда определимы и тем более предсказуемы. Так сильная вовлеченность может смениться как полной безучастностью, так и умеренным интересом; реакцией на принципиальную инновацию может стать как крайний консерватизм, так и умеренный реформизм. Развитие диалога, как и культуры метамодерна, во многом определяется внутренними силовыми линиями, осознаваемыми или даже переживаемыми адекватно только изнутри.

Конечно, нельзя сказать, что метамодернистско-диалогическая утопия обречена на осуществление. Скорее, наоборот, как и всякая другая утопия, она будет опрокинута действительностью, поскольку вообще функция реального – ограничивать воображаемое. Но есть тут еще и важный пункт раскола в самой этой утопии, поскольку между метамодернизмом и диалогизмом существует различие, состоящее в том, что именно инициирует колебание. Диалогизм видит источником его внутреннее стремление к смыслу, тогда как метамодернизм – бессмысленную судьбу или стечение обстоятельств. Это вполне аналогично тому, что каждый конкретный диалог устанавливает некоторые значения, тогда как метамодернистские события часто рассматриваются как констатация ограниченной абсурдности.

Впрочем, это различие не является непреодолимым, а грамотный диалогизм и не манифестирует достижимость идеального царства диалога чисто человеческими усилиями. Диалог рождается усилием найти смысл человеческого существования, и усилие это альтернативно тому бессилию, в которое мы неминуемо впадаем из-за абсурдности мира, – тому усилию, благодаря которому каждый конкретный диалог неминуемо заканчивается. Наша судьба – действительно колебание между тем, что М. Бубер называл «двумя отнесённостями мира и человека», – между Я-Ты и Я-Оно [3, с. 16]. Диалогизм – против присущего метамодернизму фатализма в восприятии этой колебательности, но он и не игнорирует того, что смысл рождается в противостоянии бессмысленному. Диалог – практика неприятия абсурда. В этом смысле диалогизм может послужить гуманизации метамодернизма, хотя, конечно, он может быть и отринут, как это произошло с постмодерном.

Итак, если постмодерн так и не реализовал коммуникативно-диалогическую ценностную систему, которая могла стать основанием нового гуманистического общества, то такая возможность остается для культур, которые направляются другими идеологиями, включая метамодернизм. И даже если диалогическо-метамодернистская утопия не реализуема в полной мере, она может послужить важным регулятивом развития обществ в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Metamodernist // Manifesto [Электронный ресурс] / L. Turner. – Режим доступа : <http://www.metamodernism.org/>. – Дата доступа : 17.03.22.
2. Metamodernism: A Brief Introduction // Berfrois: online literary-intellectual magazine [Электронный ресурс] / Ed. R. Bennetts. – Режим доступа : <https://www.berfrois.com/2015/01/everything-always-wanted-know-metamodernism/>. – Дата доступа : 07.03.22.
3. Бубер, М. Два образа веры : пер. с нем. / М. Бубер; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. – М. : Прогресс, 1995. – 464 с.

Поступила в редакцию 06.04.2021